

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие переводчика</i>	5
<i>Благодарности</i>	10
<i>Вступление. Свобода как сотворчество</i>	
Приключение и границы свободы	13
Эксцентричные варианты модерна и мышление третьего пути	29
Общий мир и архитектура свободы	36
Агностическое пространство: свобода в сравнении с освобождением	47
Сценография свободы: политическая оптика и фантазмагория	52
Пылающее мышление, суждение и воображение	67
Очертания книги	80
<i>Глава первая. Свобода в сравнении с освобождением</i>	
Надежда или судьба?	92
Technè: помышляя о свободе	107
Мэриа: помышляя об освобождении и тирании	114
Катарсис: свобода или освобождение?	128
Варбург, или Архитектура освобождения	134
Кафка, или Почва истины	153
Мандельштам, или Театр террора	157
<i>Глава вторая. Политическая и художественная свобода в межкультурном диалоге</i>	
Множественность или плюрализм? Свобода/воля/Freedom	175
«Иная свобода» и искусство цензуры	186
Свобода в России в сравнении с демократией в Америке? Пушкин и Токвиль	207
Две концепции свободы по ту сторону холодной войны: Берлин и Ахматова	218

*Глава третья. Освобождение с березовыми розгами
и банальность терроризма*

Модерн/антимодерн: диалоги Достоевского	238
В остроге как-то свободнее настоящей свободы	248
Кого люблю, того и бью: насилие и просвещение	261
Урбанистическая фантазмагория: Достоевский, Маркс, Бодлер	272
Подпольный человек и Венера в мехах: ресентимент, игра и моральный мазохизм	288
Банальность терроризма между левым и правым флангами	321
Религия народа и освобождение от свобод	345

Глава четвертая. Любовь и свобода другого

Тоталитаризм для двоих или приключение в созидании нового мира?	357
«Дневник обольстителя»: объятие как призыв к оружию	368
Интерьерный дизайн Кьеркегора: тенеграфия и архитектура	382
Любовь/свобода: или/или?	387
Эстетическая жертва	393
Арендт и Хайдеггер: банальность любви или пылающее мышление?	397
Жизнь еврейки от любви к открытости миру	414
Хайдеггер-лис, или Ловушки возвращения на родину	423
Любить и судить	432
«Способность суждения — трудная вещь»	443

*Глава пятая. Диссидентство, остранение
и руины утопии*

Диссидентство во множественном числе	452
Памятники революционному остранению: Шкловский и Татлин	459
Безродный космополитизм и гражданское сознание	484

Остранение <i>для</i> мира: Арндт и Кафка	500
Суд над писателями: диссидентство, законопослушность и национальная мифология	517
Суд над художниками: политика и религия в постсоветском формате	550
<i>Глава шестая. Суждение и воображение в эпоху террора</i>	
Повесть о двух арестах: Арндт и Гинзбург	562
Банальность зла и искусство суждения	575
Этика интонации и человеческой ошибки в «Колымских рассказах»	585
Рационируя клише, документируя террор	597
Мимикрия, опечатка и технологии ГУЛАГа	607
Небо в алмазах и эффект ГУЛАГа	616
<i>Заключение. Свобода и присущее ей недовольство</i>	
Свобода в цифрах?	624
Страдает ли свобода от трудностей перевода? Культурная критика свободы	641
<i>Указатель имен</i>	656

ВСТУПЛЕНИЕ.

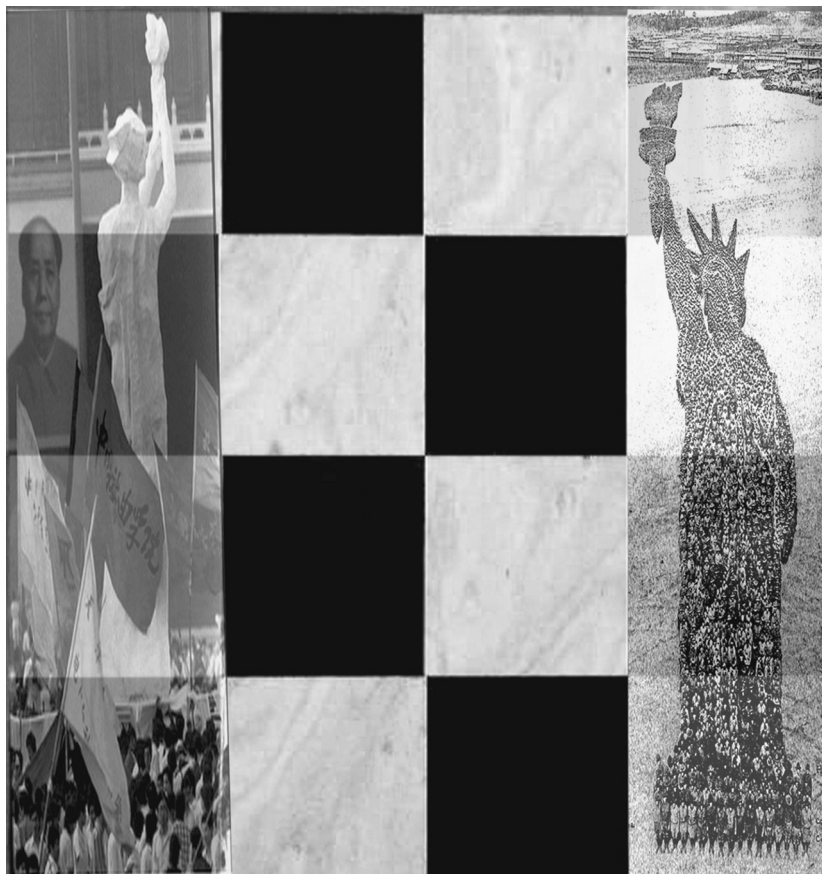
СВОБОДА КАК СОТВОРЧЕСТВО

ПРИКЛЮЧЕНИЕ И ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ

На заре XXI столетия нам было сложно представить себе новое начало. Будущее казалось скорее пугающим, нежели освободительным, — в то время как прошлое продолжало оставаться областью ностальгических утопий. Первые восемь лет нового века казалось, что наше столетие совершило фальстарт.

Итак, как начать заново? Попробуем представить себе понятие свободы, думая о потенциальном «что, если»¹ и не ограничиваясь наличным «что есть». Давайте проанализируем упущенные исторические возможности и выявим альтернативные пространства свободы. Эта книга является попыткой выволить на свет другую историю свободы и предложить новый словарь терминов, который выходит за рамки нынешних

¹ Здесь используется пара, составленная из выражений «what if» («что, если») — «what is» («что есть»). Словосочетание «What if», указывающее на манящую загадочную потенциальную возможность чего-либо, получило значительное распространение в англоязычной популярной культуре и в различных субкультурах. Одним из ярких примеров может служить широко известная одноименная серия комиксов компании «Марвел» («Marvel»). Книжки из серии «Что, если» («What if») публиковались в издательстве «Марвел Комикс» в 1970–1990-х годах. В них персонажи из вселенной «Марвел» оказывались в необычных условиях альтернативных вселенных, встречались с новыми невиданными героями и злодеями и оказывались в таких локациях и мирах, в которых не смогли бы очутиться в основной сюжетной линейке серии. Также в этих комиксах нередко рассматривались альтернативные версии, на первый взгляд противоречащие магистральному нарративу студии и как бы находящиеся по отношению к нему в сослагательном наклонении. Например: «Что, если бы Воитель не уничтожил Живой Лазер?» («What If War Machine Had Not Destroyed the Living Laser?») или «Что, если бы Карен Пейдж осталась жива?» («What If Karen Page Had Lived?») и т. д. Данная серия может служить замечательной поп-культурной иллюстрацией к концепции «офф-модерна», которую в своих теоретических и художественных работах развивала Светлана Бойм. — *Прим. пер.*

Рис. 1. Светлана Бойм. Шахматная доска — коллаж, объединяющая фотографию людей, стоящих в форме статуи Свободы, 1918 год, и Богиню Свободы и Демократии с площади Тяньаньмэнь, Пекин, Китай, 1989 год.

Излюбленная многими художниками и писателями эпохи модерна — от Шкловского до Дюшана и Набокова, шахматная доска стала прообразом зигзага офф-модернистской креативности. Исторически шахматная доска занимает место поля сражения, предоставляя играм возможность вступать в противостояние с милитаризмом. Поистине космополитический орнамент из черных и белых клеток переходил от культуры к культуре, практически ничего не теряя в процессе межкультурного перевода. Мои шахматные доски не бывают в полном смысле черно-белыми — а, как правило, с приставкой «офф-» — с бликами и текстурами местных материалов. Поверхность шахматной доски заигрывает с темами различных перспектив и сеток, открывая путь к четвертому измерению вымысла.

политических споров. Этот словарь исследует опыт свободы как сотворчества в мировом пространстве и как приключение — через политический активизм и личное суждение, через общественное и частное воображение и пылкое мышление¹. Интересующие меня вопросы направляют нас к парадоксам свободы: Можно ли хоть что-то считать в должной степени определенным, чтобы мириться с неопределенностью? Какова мера взаимопонимания или взаимного доверия, необходимая для принятия в расчет множественного опыта невзаимного² переживания свободы? Могут ли эти переживания транслироваться сквозь государственные границы? Если да, то сможем ли мы отличить друг от друга непроницаемые границы и проницаемые пограничные зоны и без труда перемещаться между ними?

¹ В оригинальном тексте в данном месте применяется словосочетание «passionate thinking». Здесь и далее для перевода этого понятия (нередко встречающегося также в программных англоязычных текстах, переписке и воспоминаниях Ханны Арендт) будет использоваться словосочетание «пылкое мышление». Для автора здесь важно подчеркнуть особый момент страстности, пылости, вовлеченности мыслителя — специфику работы его сознания и действие бессознательного. В некотором роде данная концепция перекликается с принципом «пылкого воображения», сформулированным русским психиатром, невропатологом и физиологом Владимиром Михайловичем Бехтеревым (1857–1927). Ученый писал: «Кроме сознательных процессов <...> воспринимаемых нашим „я“ как нечто субъективное, в нас существуют и бессознательные процессы, которые нами вовсе не воспринимаются как таковые. Это устанавливаемое внутренним опытом отличие сознательных психических процессов от бессознательных и дает возможность сделать точное определение сознания. И как показывают наблюдения, великие творцы обязаны гораздо более бессознательной, нежели сознательной сфере. Например, некоторые поэты и художники, обладающие пылким воображением, отличаются особой живостью представлений, необыкновенной яркостью их. <...> в сущности мы не знаем точных границ бессознательной сферы... Поэтому сознание может быть уподоблено яркому светильнику, который озаряет собою глубокие тайники нашей психической сферы». См.: *Бехтерев В. М. Мозг и разум: физиология мышления*. М.: АСТ, 2020. В русских переводах трудов Арендт словосочетание «passionate thinking» зачастую переводится как «спекулятивное мышление», что во многом связано с ее исследованиями в сфере философии познания Канта, Гегеля и Хайдеггера. — *Прим. пер.*

² В оригинальном тексте здесь игра слов «common ground» — «uncommon». — *Прим. пер.*

Мы займемся выстраиванием интенсивного повествования¹ в формате рассказывания отдельных историй вместо привычного пересмотра типологий и определений и будем продвигаться, ориентируясь на межкультурные диалоги — между философами-политологами, художниками, диссидентами и возлюбленными, которые обращаются к самому истоку потенциальной возможности свободы и позволяют оценить ее границы. Многие из этих точек соприкосновения возникли непосредственно после крупнейших исторических потрясений: войн и революций, когда вслед за мечтами о новом начале и первыми моментами освобождения следовали попытки установить режим свободы. Во всех подобных случаях эксперименты в сфере мышления и воображения также были связаны с экспериментами в области самой жизни, порой порождающими больше противоречий, нежели последовательности. Эти эксперименты дают нам возможность исследовать взаимоотношения между *свободами* во множественном числе (политическими свободами, правами человека) и *Свободой* в единственном числе (религиозной, творческой или экзистенциальной свободой) и рассматривать те моменты, в которых политические и художественные представления о свободе переплетаются. Я вовсе не собираюсь придавать своим рассказам о свободе форму военных эпосов, романов о независимости или мученичестве². Здесь будут не только

¹ Здесь в оригинальном тексте термин «storytelling». В последнее десятилетие в русский язык транслитерированный термин «сторителлинг», как и многие термины, связанные с рыночной экономикой, вошел в качестве определения одного из маркетинговых приемов. Проектная цель сторителлинга: увеличение продаж для целевых групп покупателей с помощью «рассказывания историй» (прежде всего с применением всевозможных медиа) — создание и внедрение на рынке эффективной мотивации к требуемому от субъекта (представителя целевой группы) действию. — *Прим. пер.*

² По мнению политического философа Майкла Сэндела, сегодня, когда «фундаменталисты устремляются туда, куда опасаются ступить либералы», это особенно актуально. *Sandel M. Public Philosophy: Essays on Morality in Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005* (глава 2, «Beyond

предостерегающие и в чем-то поучительные истории. Но по меньшей мере эти сюжеты позволят пролить свет на дилеммы свободы, смотреть в лицо которым порой бывает труднее, чем подспудному соблазняющему очарованию власти.

Опыт свободы в широкой исторической перспективе никогда не имел устоявшейся ценности — она продолжала меняться с течением времени и в рамках разнообразных культур. Даже в наши дни свобода не синхронизируется с другими вожделенными состояниями человеческого бытия, такими как счастье, принадлежность, слава или близость. Все эти состояния имеют отношение к единению и общности, в то время как в свободе присутствует элемент остранения — что, по сути своей, не исключает взаимодействия с другими людьми в общественной сфере, но делает эти взаимоотношения куда более непредсказуемыми.

Помимо того что свобода всегда оставалась оспариваемой ценностью, не существовало и общего консенсуса по поводу того, что именно искомая свобода должна собой представлять. Попытка дать определение свободе чем-то напоминает охоту на змею: змея сбрасывает кожу, и нам в качестве своеобразного сувенира достается лишь ее хитрость — в виде реликта, символизирующего наши чаяния. В античной мифологии не существовало ни бога, ни богини свободы, — за исключением поздней римской статуи богини Либертас¹,

Individualism», и глава 28, «Political Liberalism»). Это именно то пространство, где может обретаться стремление к поиску смысла человеческой жизни и где надлежит рассказывать истории о свободе.

¹ Либертас (Libertas, лат.) — древнеримская богиня, олицетворявшая свободу (эквивалентное греческое божество — богиня Элеутерия). Первый храм Либертас в Риме был построен на Авентинском холме в 238 году до н. э. (строитель — трибун Тиберий Гракх). Следующий был построен в 58–57 годах до н. э. на Палатинском холме (впоследствии уничтожен Цицероном при возврате своего участка земли) (строитель — трибун Публий Клодий Пульхр). В 46 году до н. э. Сенат проголосовал за возведение храма Либертас во славу заслуг Гая Юлия Цезаря, тем не менее место храма на Римском форуме была воздвигнута лишь невысокая статуя богини. Профиль Либертас также нередко чеканили на монетах. — *Прим. пер.*

которая на протяжении столетий провоцировала множество культурных скандалов. Ее «колпак свободы»¹ покрывал обриту наголо голову бывшей рабыни, которая обрела права в демократических городах-государствах времен Античности, что, соответственно, превращало атрибут Свободы в символическое напоминание о рабстве. Еще в 1855 году сенатор от штата Миссисипи Джефферсон Дэвис², который вскоре должен был стать президентом Конфедерации, возражал против предложения установить фигуру Свободы в соответствующем головном уборе на вершине купола Капитолия в Соединенных Штатах Америки, утверждая, что этот античный символ освобожденных рабов стал бы для южан оскорблением³.

¹ Колпак свободы — головной убор у фригийских племен в XIII–V веках до н. э. Колпак, сваланный из овечьей шерсти, со свисающей на лоб верхушкой. В древнегреческом варианте — *πίλος* («пилос», «пилеус» — в Древнем Риме). Правом ношения пилоса обладали только свободные граждане. Рабу позволялось надевать данный головной убор лишь в нескольких случаях: либо когда его отпускали на свободу или продавали, либо на время праздников Сатурна (сатурналии), когда хозяева и рабы на время праздника якобы «становились равными». — *Прим. пер.*

² Джефферсон Финис Дэвис (Jefferson Finis Davis, 1808–1889) — американский военный и государственный деятель, плантатор и рабовладелец, единственный президент Конфедеративных Штатов Америки (до 1865 года). Принимал участие в Американско-мексиканской войне, Англо-американской войне, был сенатором и военным министром. После поражения южан опальный глава государства Конфедерации был арестован и заключен в тюрьму как государственный изменник. После того как был выпущен под залог, жил в Канаде, впоследствии занимался страховым делом. Автор книги «Краткая история Конфедеративных Штатов Америки». Дэвис был лишен американского гражданства, которое было посмертно возвращено ему лишь в 1978 году по итогам голосования в Сенате. — *Прим. пер.*

³ *Kammen M. Spheres of Liberty: Changing Perceptions of Liberty in American Culture. Madison: University of Wisconsin Press, 1986.* Прочие ее атрибуты являются не менее противоречивыми: скипетр — символ самоконтроля, и кошка (в римской мифологии — символ независимости и атрибут богини Либертас. — *Прим. пер.*) — символ отсутствия самообладания. В XVIII веке Свобода обрела эклектичные черты классических богинь: Минервы, Эос или Артемиды, а также Девы Марии (Марианны — в качестве одного из символов Франции) или Марии Магдалины и, кроме того, африканских и индейских царей. По ходу всего повествования в этой книге я придерживаюсь позиции Каммена и использую такие слова, как «freedom» и «liberty», — в качестве взаимозаменяемых в современном контексте.

В костюме американской статуи Свободы — той самой, известной, — нет ни единого намека на рабство; традиционный колпак свободы сменила корона Просвещения — маяк нового мира эпохи модерна. Скульптура была подарком разочарованного француза, который считал, что Свобода больше не обитает на просторах Европы, а живет только в Соединенных Штатах Америки. Готовясь изваять фигуру богини Просвещения, он, как принято считать, вдохновлялся формами тела собственной жены и лицом своей матери. Впрочем, его детище, установленное в Новом Свете с большой неохотой, вскоре сбросило кожу, обернувшись богиней иммигрантов, став туристической достопримечательностью и потенциальной мишенью для угроз национальной безопасности. В других странах, таких как Россия, статуи Свободы не пользовались популярностью вовсе и не имели местной иконографии. Более предпочтительным оказался образ Родины-матери с классической грудью, прикрытой благопристойной драпировкой, не отличающейся от той, что была у Леди Свободы¹. Как ни странно, в облике китайской богини свободы, воздвигнутой протестующими студентами в период демонстраций на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, присутствовали отсылки как к американским, так и к русским вариантам соответствующих монументов; она также несла черты поразительного сходства с советской фигурной композицией 1930-х годов «*Рабочий и колхозница*», образ которой массово растиражирован по всему свету. Быстро снесенная правительственными силами, эта низвергнутая Богиня Социализма с Человеческим Лицом имела непредсказуемые мультикультурные черты. Само собой, любые иконографии имеют свои подводные камни; в случае свободы они указывают на непредставимое.

¹ Первая советская статуя Свободы, установленная на заре сталинского периода, была вскоре заменена более подходящим духу героики памятником древнерусскому князю Юрию Долгорукому, легендарному основателю Москвы. Подробнее об авангардных статуях свободы см. в пятой главе.

Меня, прожившую половину жизни в самой западной части России¹, а другую — в восточной части Соединенных Штатов Америки, вечно преследуют тени двух беспокойных цариц: американской Леди Свободы и российской Родины-матери. Такая персональная и историческая двойная экспозиция побуждает меня осознать хрупкое пространство общих чаяний, которое порой приходится оберегать как от крайности, так и от заурядности. В ходе изучения культурных различий в рамках разнообразных диалогов о свободе я не стану фокусироваться исключительно на столкновении культур или внешнем плюрализме, но буду исследовать внутренние множественности в составе культур и избирательного сродства, тянущиеся сквозь государственные границы. Исследование свободы требует особой творческой логики.

Не следует забывать, что свобода также ассоциируется с незримыми стихиями, такими, например, как свободный воздух города, и тем фактом, что этот «свободный воздух» едва ли возможно экспортировать или использовать в качестве товара. Свобода, с присущей ей необычностью или беспредметностью², находит наилучшее свое отражение в экспериментальном искусстве. Художник-авангардист Казимир Малевич

¹ Здесь в оригинальном тексте использовано слово «westernmost» — букв. «самая западная». Вероятно, для автора принципиальное значение имеет пребывание на приграничной территории — в городе Ленинграде (ныне — вновь Санкт-Петербург), где она проживала до эмиграции в Соединенные Штаты Америки. Вместе с тем следует уточнить, что географически самой западной территорией России является не Санкт-Петербург, а Калининградская область — бывшая территория Восточной Пруссии, вошедшая в состав Советского Союза после Второй мировой войны. Самым западным населенным пунктом России является город-порт Балтийск (до 1946 года — Пиллау, нем. Pillau) — военный форпост страны на Балтике, где располагается крупная Военно-морская база ВМФ России. Граница с Польшей в этом месте проходит по Балтийской косе. — *Прим. пер.*

² В оригинальном англоязычном тексте здесь использован термин «nonobjectivity», служащий своеобразным эквивалентом понятия «беспредметность», играющего важную роль в теории и практике искусства русского авангарда. — *Прим. пер.*

предпочел нулевую степень репрезентации — образ черного квадрата — «зародыш всех возможностей»¹, в то время как его оппонент Владимир Татлин создал загадочный *Памятник освобожденному человечеству*, известный также как *Памятник III Коммунистического интернационала*, — небоскреб из двух подобных друг другу, но не совпадающих спиралей, напоминающий одновременно руины Вавилонской башни и утопическую строительную площадку из будущего. Эти художники считали, что новая архитектура свободы не требует привычных рабочих чертежей, а может быть воплощена с помощью экспериментальной художественной технологии². По ряду причин — в диапазоне от технических до политических — Памятник освобожденному человечеству был обречен остаться нереализованным. Он продолжает свое существование в виде своего рода фантомной конечности неконформистского искусства в мировом масштабе — образчика неподражаемой архитектуры «что, если».

Немецко-американская иммигрантка и политический мыслитель Ханна Арендт описала опыт свободы как нечто по сути своей странное — как новое начало и «чудо бесконечно невероятного»³, которое регулярно случается в публичной сфере⁴. Поскольку в современной политике словом «свобода» злостно злоупотребляют, я буду рассматривать

¹ «Теме „черного квадрата“ соответствует один из эскизов к „Победе над Солнцем“, посланный Малевичем М. В. Матюшину весной — летом 1915 (ГЛМ) и тогда же сделанный. О нем Малевич писал: „<...> завеса изображает черный квадрат зародыш всех возможностей принимает при своем развитии страшную силу, он является родоначальником куба и шара, его распадаения несут удивительную культуру в живописи <...>“ (*Малевич К. Собрание сочинений*: В 5 т. М.: Гилея, 1995. Т. 1. С. 67; в цитате сохранен авторский синтаксис)» См. «Энциклопедию русского авангарда». — *Прим. пер.*

² См.: *Малевич К. Черный квадрат*. СПб.: Азбука, 2016. — *Прим. пер.*

³ См.: *Арендт Х. Что есть свобода?* / Пер. и предисл. Д. М. Носова // *Вопросы философии*. 2014. № 4. С. 53–70. — *Прим. пер.*

⁴ *Arendt H. What Is Freedom? // Between Past and Future*. London: Penguin, 1979. P. 170.

ее как нечто «бесконечно невероятное» и вместе с тем возможное¹.

Новое начало, маркированное опытом, который описывает Арндт, не является ни возвращением к природе и мифологии, ни скачком в «конец истории». Как бы там ни было, свобода — это продолжающееся человеческое чудо. Арндт обнаруживает новое пространство для переживания свободы не в глубине человеческой психики и даже не в сфере воли, а непосредственно в действиях человека на общественной сцене. Она обращается к истории Древней Греции — к периоду наиболее раннего признания свободы как позитивного явления, к концепции общественной или политической свободы. Для нее «ответственность за общий мир» становится мерой и границей такой свободы. Переживание свободы сродни театральному представлению, подразумевающему наличие принятых правил игры, общественной памяти и общей сцены, но в котором при этом допускается нечто беспрецедентное и специфическое. Такие переживания составляют наше «забытое наследие», которое зачастую вымарывается из устоявшейся историографии, и, как следствие, каждому новому поколению приходится открывать его заново.

Совершенно невероятным элементом в разговоре об опыте свободы является слово «бесконечно». Ведь свобода возможна лишь в условиях конечности человека и при условии уважения границ. По сути, со времен Аристотеля осмысление

¹ В своем эссе «Что есть свобода?» Ханна Арндт писала: «Каждое действие (рассмотренное не с точки зрения деятеля, а в перспективах того процесса, который является обрамлением, фоном действия и автоматизм которого оно нарушает) является „чудом“ — т. е. чем-то неожиданным. Если правда, что действие и начинание, по сути, — одно и то же, то отсюда следует, что дар творить чудеса должен быть включен в перечень человеческих способностей. Это звучит странно, но на деле в этом нет ничего странного. Если в сущностную природу любого начинания входит то, что оно вторгается в мир как нечто „бесконечно невероятное“, то тем более верно то, что эта бесконечная невероятность и творит природу того, что мы называем реальным». — *Прим. пер.*

свободы начинается с оговорки о том, что свобода — это вовсе не то состояние, когда ты волен делать все, что хочешь, и отменять все границы и различия. Прежде чем размышлять о «свободе от чего-либо» и «свободе для чего-либо», о негативной и позитивной свободе, мы должны прочертить топографию потенциальных возможностей существования опыта свободы. Предаваясь грезам о бесконечности, мы начинаем осознавать свои преграды и коридоры возможностей, заграждения и парапеты, пограничные зоны и мосты, где порой происходит обмен двойными агентами. Но как именно мы понимаем границу: как разграничение или как зону соприкосновения, как конечную точку или как горизонт, за которым может быть переосмыслен мир? Какие границы важнее? Границы между разными культурами или между индивидуумом и государством? Границы между частным и общественным или границы внутри самой личности? Может ли существовать русская свобода, американская свобода, двойная свобода-через-дефис¹? Может ли то, что для одного человека выглядит как тирания, для другого — представлять собой свободу национального сообщества? В данной книге мы будем исследовать пограничные зоны между политическими, религиозными и культурными средами, между экономикой и чувством морали, между правами человека и человеческими страстями, отчасти касаясь современных споров вокруг либерализма и его критиков, вокруг негативных и позитивных концепций свободы, свободы воображения и свободы действий, а также национального и универсалистского понимания прав личности и национальных государств.

Опыт свободы сродни приключению: он исследует новые границы, но никогда не стирает их и не выходит за их пределы. Посредством приключений мы можем не только прощупывать границы, но и, с большим или меньшим успехом,

¹ В оригинальном тексте — «hyphenated freedom». — *Прим. пер.*

лабиринтов между конвенциональностью и изобретательностью¹, ответственностью и игрой. Немецкий социолог Георг Зиммель в своих трудах дает экспериментальную пространственную и темпоральную конструкцию приключения, которая, по моему мнению, наглядно иллюстрирует парадоксы свободы. Приключение — это событие, которое прерывает течение нашей повседневной жизни и одновременно кристаллизует ее внутреннюю первооснову². Варианты приключений могут варьироваться: от опыта зарубежных поездок до исследования своего родного города — современного мегаполиса, от политических действий до эротического опыта или любых меняющих жизнь встреч. Стоит говорить о расширенном понимании этой концепции, с целью отразить приключения мысли, суждения, любви и протеста. В приключениях мы «насильственно вовлекаем в себя мир», но в то же время допускаем присутствие «полной покорности властям и шансам мира, способным нас осчастливить, но и уничтожить»^{3,4}. Таким образом, взаимоотношения между внутренним и внешним, чужеземным и родным, центральным и периферийным, первоосновой и обыденной деятельностью постоянно видоизменяются. Приключение похоже на «тело чужака, которое выявляет самое сокровенное»⁵. Через опыт

¹ В оригинальном тексте присутствует игра слов: «convention» — «invention». — *Прим. пер.*

² *Simmel G. The Adventurer // On Individuality and Social Forms / Ed. by D. Levine. Chicago: University of Chicago Press, 1971. P. 187–198.* Зиммель сам по себе — не вписывается ни в рамки немецкого академического истеблишмента своего времени, ни в рамки современных дисциплин, очерчивающих контуры нынешних систем мышления. Приключение для него являлось не просто темой исследования, но его интеллектуальным и экзистенциальным *modus operandi*.

³ *Simmel G. The Adventurer. P. 193.*

⁴ См. также: *Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни / Под. ред. А. Т. Мильской. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — Прим. пер.*

⁵ «Это чуждое нашему существованию тело тем не менее как-то связано с центром. Внешнее, следуя далеким и непривычным путем, становится формой внутреннего». *Simmel G. The Adventurer. P. 188.*

приключений мы вступаем в диалог с миром и с чужаком¹ внутри самих себя.

Приключение в буквальном смысле отсылает к чему-то, что должно вот-вот случиться, *ad venire*², но, вместо того чтобы открывать путь в некое катастрофическое или мессианское будущее, оно приводит нас к незримым темпоральным изменениям настоящего. Темпоральная структура приключения переключается с пространственной: ее можно охарактеризовать как время вне времени, но кроме того — приключение видоизменяет обыденную концепцию того, что означает быть своевременным. Приключение, вероятно, может работать против линейной концепции времени, времени модернистского прогресса или человеческого старения; оно бросает вызов неумолимой необратимости времени, избегая сползания в ностальгию. Переживая опыт приключения, мы можем отклонить векторы прошлого и будущего и познать возможности настоящего, вновь очаровываясь модернистскими переживаниями³. Искатель приключений выталкивает «жизнь

¹ Концепция «чужака» является одним из ключевых элементов теории Георга Зиммеля. Философ и социолог Александр Фридрихович Филиппов (1958) в своей статье «Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля» пишет: «Чужак <...> — это странник, который приходит извне. Он, следовательно, именно пространственно чужой, поскольку группа идентифицирует себя с определенным пространством, а пространство, „почув“ — с собою. Чужак, говорит Зиммель, это не тот, кто приходит сегодня, чтобы уйти завтра. Он приходит сегодня, чтобы остаться назавтра <...>. Но, оставаясь, он продолжает быть чужаком. <...> Чужаку свойственна объективность, потому что он не запутан во внутригрупповых интересах. Но потому он также и свободен — а значит, подозрителен. И часто он не только не может разделить с группой ее симпатии и антипатии, и поэтому кажется тем, кто хочет разрушить существующий порядок, но и действительно становится на сторону „прогресса“ против господствующих обычаев и традиций. <...> Многие исследователи считают, что понятие „чужак“ является центральным для всей концепции Зиммеля — ведь социолог и есть тот „чужак-интеллектуал“, кто глядит на социальную жизнь объективно, как бы со стороны». — *Прим. пер.*

² *Ad venire* — лат., букв. «прийти». — *Прим. пер.*

³ Теория приключения Зиммеля представляла собой одновременно как критику капиталистической коммодификации (превращение чего-либо в товар,

за пределы своих временных границ», но это «за пределы» никогда не выходит за рамки вот-открытости миру¹. Не являясь ни трансцендентностью, ни трансгрессией, приключение представляет собой своего рода «мирское озарение», говоря словами Вальтера Беньямина. Оно раздвигает границы человеческих возможностей, но не разрушает эти границы. Оно включает в себя встречу с неисчислимым, которая заставляет нас изменить исчисление жизни и исследовать аспекты, тягущиеся за многообещающим «что, если».

Приключение открывает доступ к пористым пространствам пограничных зон, порогов, мостов и дверей. Речь идет не о переживании опыта возвышенного, а о пороговом опыте,

предмет товарно-денежных отношений. — *Прим. пер.*) обыденной жизни, так и альтернативу марксистской концепции публичной сферы и гражданского общества, а также трактовке Вебером и Лукачем модерна как разочарования и трансцендентной бесприютности. В ответ на веберовское недоверие к миру эпохи модерна, навязанному бюрократической вселенной государств и корпораций, приключение дает надежду на новое очарование, созвучное скромному обаянию реального мира.

¹ В оригинальном тексте здесь использован термин «worldliness», который в трактовке Ханны Арендт, как принято считать, имеет коннотацию «having a world» (см., например: *Gómez N. B. A critical approach to Hannah Arendt's concept of worldliness and its applicability in the social sciences // Human Affairs. Postdisciplinary Humanities & Social Sciences Quarterly. 2016. Vol. 26. Issue 2*). Таким образом, термин «worldliness» можно понимать как «единение с миром», «открытость всему миру», «принадлежность к роду мира» и т. д. В концепции Арендт это слово может выражать возможность человека быть частью общемирового бытия, включаться во всемирную демократию, народ мира и т. д. Национализм, диаспорические тенденции и создание замкнутых изолированных локальных сообществ, соответственно, в контексте критики Арендт противопоставлены этой «всемирной» открытой парадигме. «Worldliness» в данном случае присутствует в своеобразной феноменологической составной конструкции «this-worldliness». Словесная конструкция «this-worldliness» — философское понятие, которое, согласно словарю Мириам-Вебстер, обозначает интерес, заботу или преданность по отношению к вещам этого мира, в особенности в сопоставлении с последующей стадией бытия (бытие после смерти). На русский язык термин можно перевести как, например, «вот-открытость миру», по аналогии с такими философскими терминами, как, например, «вот-бытие» (*Dasein*) Мартина Хайдеггера. Подробнее об этом термине — см. далее в тексте книги и в примечаниях. — *Прим. пер.*

который расширяет наши потенциальные возможности. Зиммель описывает приключение как «нечто третье»¹ — это ни внешнее происшествие, ни внутренняя система. Аналогичным образом, опыт свободы также можно понимать как «нечто третье», взывающее к приключениям в сфере мышления. Я использовала здесь синтаксическую конструкцию «ни, ни», чтобы образно приблизиться к скользящей конструкции приключения, — но можно также описать все это как: «и, и», «и еще не», «и тем не менее»².

Писатель Альбер Камю, выходец из рабочего класса, боец французского Сопротивления и один из создателей и приверженцев философии экзистенциализма, поддержал концепцию приключения Зиммеля в своих рассуждениях об искателях приключений — от древних времен до эпохи модерна — и бунтующих людях, силами которых ковалась идея радикальной умеренности³. В эссе «*Бунтующий человек*» Камю исследует восстание эпохи модерна, в диапазоне от царевубийства и террора до сопротивления и художественного творчества. Согласно Камю, конечной целью абсолютного приключения является не только утоление страстной романтической жажды освобождения, но и творческий опыт свободы, который может быть обретен через радикальную умеренность. Умеренность, по его нетрадиционному определению, — это «постоянный конфликт, беспрестанно раздуваемый разумом

¹ В своей работе «Приключение» Георг Зиммель писал: «<...> под приключением мы всегда имеем в виду нечто третье, находящееся вне как просто внезапного события, смысл которого остается для нас внешним, — он и пришел извне, — так и единого ряда жизни, в котором каждый член дополняет другой для создания общего смысла. Приключение не есть смешение обоих, а особо окрашенное переживание, которое можно толковать только как особую охваченность случайно-внешнего внутренне-необходимым». — *Прим. пер.*

² В оригинальном тексте здесь присутствуют следующие синтаксические конструкции: «neither, nor», «and, and», «yet, and still», «against all odds». — *Прим. пер.*

³ См. «Бунтующий человек». «Безмерный ужас порождается именно умеренностью». — *Прим. пер.*

и им же укрощаемый», в то время как «разум — это способность не доводить до конца то, что мы думаем, чтобы у нас осталась *вера* в реальность»^{1,2}. «Разум» в этом смысле означает нечто скорее стремящееся к «мудрости» — пути, изломанному, но честному, пролегающему между воображением и переживаемым опытом, между созерцательностью и действием, — пути, на котором раздвигаются границы, но не разрушается пространство общего доверия, или то, что Арндт называла «ответственностью за мир».

Многие политические мыслители считали, что искать определение свободы так же «безнадежно», как пытаться найти квадратуру круга, буквально втискивая одну геометрическую фигуру в другую, в то время как попытки пробиться сквозь вышеозначенные асимптотические пространства приключенческого и безмерного являются начинанием, фундаментальным для человеческого бытия³. Уж лучше заниматься поисками опыта свободы в подобных асимптотических пространствах, чем раз и навсегда открыть пресловутую квадратуру круга. Признание такой безнадежности — это *sine qua non*⁴ моих рассуждений о свободе. Это всегда форма мышления из-за или изнутри безвыходного положения — своего рода апория, превращающая препятствие в приключение в широком смысле этого слова.

¹ *Camus A. The Rebel: An Essay on Man in Revolt. New York: Vintage International, 1960. P. 295, слова выделены в соответствии с оригинальным текстом.*

² У Камю здесь цитата Лотара Бикеля (Лейзер Бикл, Lothar (Eliezer) Bickel, Lothar (Elieser, Leiser) Bickel, Lazare Bickel, 1902–1951) — немецкого ученого медика, философа и публициста румынского происхождения. Бикель был выдающимся гинекологом, опубликовал более 20 трудов по женским заболеваниям. После вынужденного бегства из Германии в 1933 году работал в Румынии. Состоял в переписке с Зигмундом Фрейдом, являлся последователем и пропагандистом идей Спинозы и Бруннера. Поздние работы Бруннера были опубликованы при содействии Бикеля после смерти философа. — *Прим. пер.*

³ *Arendt H. What Is Freedom? P. 143–173.*

⁴ Выражение «*sine qua non*» (лат., букв.) — «абсолютная необходимость», «абсолютно необходимое условие», «непременное условие», «обязательная компонента» и т. д. — *Прим. пер.*